

ВЫСОКИЕ ИДЕАЛЫ ПИСАТЕЛЯ-ГРАЖДаниНА

150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Сергей МИХАЛКОВ

ЧЕЛОВЕК Михаил Егорович Салтыков-Щедрин, мы чувствуем великого гражданина России, писателя, патриота, самоотверженного борца, сохранившего до конца дней свою верность знамени того реалистического направления, символом которого был Гоголь, а трибуном — Белинский.

В истории нашей культуры, в освободительном движении русских революционных демократов Салтыков-Щедрин — одному из величайших мастеров слова XIX века — наряду с Белинским, Герценом и Некрасовым, Чернышевским и Добролюбовым принадлежит виднейшее место. Жизнь и творчество Щедрина были безраздельно отданы общественной борьбе. В оценках художественных произведений он всегда исходил из гражданской, из социальной роли литературы.

«Общественное значение писателя [а какое же и может быть у него иное значение!], — утверждал Салтыков-Щедрин, — в том и заключается, чтобы пролить луч света на всякого рода нравственные и умственные неурядицы, чтоб осветить всякого рода духоты всякого рода идеала». И луч света, который бросил сам Щедрин на жизнь тогдашнего общества, был сильным и ярким. Он беспощадно обнажал всю реакционную суть царской России, ее историческую исчерпанность и обреченность.

Главное свойство щедринского таланта — это огромная всепроникающая сила сатиры, прозорливой и бдительной, обличившей пороки прогнившего самодержавного строя. Жизнь Салтыкова-Щедрина была в полном смысле подвижничеством.

Бичуя реакционеров всех

мастей — и трусливых либералов, живущих по принципу «применительно к подлости», и упорней-крепостников, пытавшихся подняться из гроба, и народившихся им на смену наглых и пронырливых буржуазных хищников, Салтыков-Щедрин всегда стремился довести до читателя «взвешенные идеалы» как грозное предостережение неумирающей расправы, как предостережение грядущей революционной бури. «До боли сердечной», по его собственному выражению, любя своего родины, писатель твердо верил в ее будущее — торжествующее и просветленное.

В 1886 году смертельно больной Салтыков-Щедрин принял депутацию студентов, приходивших выразить свое восхищение его творчеством. Среди молодых людей были Александр и Анна Ульянова, брат и сестра будущего великого революционного вождя — Владимира Ильича Ленина. Какой глубокий символический смысл заложен в этой встрече, воплотившей идею преемственности революционных поколений!

В. И. Ленин высоко ценил творчество писателя-борца, более четырехсот раз цитировал его в своих сочинениях. На всем славно и трудно пути русского революционного движения сатира Щедрина, ее точный прицел, ее разительный огонь верно служили народу. «Вспоминать, цитировать и растолковывать» Щедрина учил Ленин, призывая товарищей по борьбе широко использовать грозное оружие щедринской сатиры.

Цену этому оружию хорошо знают и наши противники.

Не случайно в кострах из книг, разожженных гитлеровцами на площадях Германии, пылали и щедринские тома. Вся тупая, бесчеловечная, омерзительная суть фашизма и расизма была видна в волшбном зеркале этой сатиры, в деятельности мрачного идиота Угрюм-Бурчеева, мечтавшего превратить мир не то в пустыню, не то в казарму.

Великий сатирик жив не только в миллионных тиражах его книг, но и в сердцах миллионов читателей-друзей, видящих в нем и мудрого собеседника, и наставника. И слова и мысли которого учат справедливости, самоотверженности, принципиальности. Ныне мы вступаем в новый этап коммунистического стро-

ительства. Страна наша — в беспрецедентном движении. И долг каждого — сметать с пути все старое, все отжившее, что мешает этому неуклонному движению вперед. Вот почему наша партия так высоко оценивает роль критики и сатиры как один из самых действенных, боевых литературных жанров.

Высокий нравственный идеал писателя, его пафос борьбы за человечность, его гневное презрение ко всякого рода подлости, хищничеству, прозону позволяют считать Салтыкова-Щедрина нашим великим современником. И сегодня генеральный сатирик вместе с нами, в одном строю. Вместе с нами он борется за воспитание нового человека!

особенностями его являются, во-первых, преимущественное внимание не к индивидуальной-личной, а к общественной сфере психологии и поведения человека, и изображению социальных процессов и, во вторых, сращивание эстетической системы писателя с его прямыми политическими оценками и философско-историческими взглядами.

Щедрин знал, что реальность «сплит» отверженного им «порядка вещей» еще не покорены. Но он был убежден в неминучести распада этого «порядка» и умел смотреть на его «силы» с высоты будущего. Такая точка зрения придавала трагической сатире Щедрина гордый пафос исторической борьбы и надежды. Она вместе с тем одаловала важную особенность щедринского изображения мира. Явления жизни, становившиеся предметом критики Щедрина, воспринимались в двух плоскостях. В одной они представляли во всей конкретности своего «физического» существования, а другой — как объективности, не соответствующие идеалу, поэтому отрицательные и в идейно-моральном плане не были существующими.

Одним из способов литературного выражения такого восприятия служит у Щедрина система образов, которые условно можно назвать «ирреальными»: «призраки», «теми», «мираники», «третельки», «сумерки», «светлячки», «пустоты» и даже «черная дыра» (разумеется, не в нынешнем научном содержании этого понятия).

«Исследуемый мною мир есть воистину мир призраков», — заявила Щедрин. И пояснил: «Но я утверждаю, что эти призраки не только не бессильны, но самым решительным образом влияют на жизнь». Как глу-

бо брал здесь пуг писателя, показывая его критика главнейших институтов современного ему общества, обратился к семье, к собственности, к государству, — раскрывал Щедрин общую суть своих произведений. Ибо, как он писал, «не будишь же, и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет».

С миром «призраков» сосуществует в щедринской сатире близкий к нему мир «кукол» и «масок», мир

предельной плотностью спрессованной, определяющей свойства самодержавной власти — насилия, провоза и механического бездушия.

Непревзойденный мастер сатирического «деха», Щедрин был в то же время ода-реннейшим художником-реалистом — способностью создавать мир живых людей, глубокие человеческие характеры, видеть и изображать трагическое, причем даже в таких судьбах и ситуациях, которые, казалось бы, не могли заключать в себе никакого трагизма. Абсолютная вершина Щедрина в искусстве его беспощадного реализма и трагического — «Господа Головлевы». Финальные сцены романа происходят в неподвижной и как бы не существующей жизни, в «светящейся пустоте», окруженной мраком гололевского дома, из каждого угла которого ползут шорохи и «умертвения». Ступая постепенно этот мрак, Щедрин как бы растворяет в нем жуткую фигуру Иудушки. Но вдруг писатель бросает в эту тьму, как Рембрандт на своих полотнах, тонкий луч света. Слабый луч всего лишь от искры пробудившейся в Иудушке «одичавшей совести», но пробудившейся поздно, бесплодно. И вот — чудо искусства, чудо художника! — отвратительная и страшная фигура выморочного «героя» превращается в трагическую. Казалось бы, конец обесчеловеченный человек возвращает себе человеческое, испытывает нравственное страдание... И это не реабилитация Иудушки, а завершение суда над ним моральным возмездием.

Суровость и жесткость многих щедринских картин служили и служат иногда поводом для утверждения об убогом, даме pessimismе Щедрина, будто бы поспешного по самой своей природе и восприятию света, радости и многоцветия мира. Но это неосознанные и несправедливые. Нет! Щедрин хорошо знал, «сколько еще разлит свет в самых сумерках» и «сколько еще теплится ирады добра под темным флером, наброшенным на жизнь». Но не такова была его общественная позиция, не таковы были его эстетические и нравственные установки, чтобы в условиях «сумерек» и «темноты флора» затеряться и потеряться и народом, совершая прогулки в область преисподней. «Прокорю русскую историю, нереду «запирал» свою мастерскую поэтических элементов жизни» (П. Анненков). Но, во-первых, все же у Щедрина есть немало истинно оптимистических элементов. Во-вторых, у него, художника отрицательных сторон жизни, была особая эстетическая установка: сурово обличительное творчество Щедрина не столько дано, сколько ЗАДАНО. Эстетическое, а вместе с тем и этическое удовлетворение возникает у читателя от сопереживания с всегда присутствующим в произведениях писателя общественным сознанием, над ним и идеалом, во имя которого писатель судит враждебные ему действительности. Созданное Щедриным искусство заключает в себе могучие силы не только критики и отрицания, но и утверждения и созидания. Главнейшие из этих сил — смех как оружие сатиры, любовь и родина и вера в будущее.

не могу помыслить себе где-либо, кроме России».

Любовь к родине была сопряжена у Щедрина с верой в ее будущее, как в будущее всех людей мира. Кажется, нет другого писателя, который бы так много думал и писал о будущем, так жил будущим, как Щедрин. «...Воспитывайте в себе идеалы будущего... Вглядывайтесь часто и пристально в светящиеся точки, которые мерцают в перспективах будущего», — призывал писатель.

И как писатель, и как редактор лучших демократических журналов эпохи — «Современника» и «Отечественных записок» — Щедрин сыграл выдающуюся роль в пробуждении гражданского сознания и возбуждении социально-политического протеста в России. В этом отношении его литературная деятельность имела для русского общества руководящее значение наряду с деятельностью Белинского и Герцена, Некрасова, Добролюбова и Чернышевского.

Скоро будет 90 лет, ману умер Щедрин. Россия прошла за это время через три революции и изменилась до неузнаваемости. Читателям нашего времени нелегко или уже невозможно извлечь в полной мере то горькое наслаждение, которое доставлял писатель своим современникам, и ощутить непосредственно могущество его громадного авторитета. Но литературное наследие Щедрина принадлежит не только прошлому, но и настоящему и будущему. Оно открыто для нас в двух главнейших качествах — как ценность историко-политическая и как ценность живой мысли.

О первом значении критико, но исчерпывающе сказал Горький: «...Невозможно понять историю России во второй половине XIX века без помощи Щедрина... Действительно, щедринские произведения являются единственными в своем роде художественным и публицистическим «комментарием» к русской жизни прошлого века.

«Комментарием» этим интересовались Маркс и Энгельс, читавшие Щедрина в подлиннике.

Щедрин — один из любимых авторов В. И. Ленина. В мучительном социальном протесте писателя Ленин улавливал политическое звучание с особой миссией миссии российского протестария. Щедринские образы, выраженные, меткие, клеймящие клички часто встречаются на ленинских страницах. Ленину принадлежала заслуга научного, исторического осмысления Щедрина как писателя революционной демократии. Ленина больше всего привлекало в Щедрина, во-первых, то, что он реалистически ярко изображал социальное расслоение и пореформенной русской деревне, сильным прожекатором осветил полившуюся в ней фигуру кулака, «мирода»; во-вторых, то, что писатель едко и непримиримо относился к буржуазному либерализму, к их идеологии и тактике «применительно к подлости»; в-третьих, то, что он глубоко ненавидел царское самодержавие и его опору — дворяно-помещичий класс. «Некрасов и Салтыков», — писал Ленин, — учили русское общество различать под прилаженной и напоямаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов...»

Живая сила Щедрина для нашей современности заключается в нетускнеющих идейно-художественных богатствах его произведений, в бездонной глубине его мысли. Посвященные общечеловеческим «ненормальностям» условий, в которые поставлено человеческое существование» в антагонистическом обществе, они обнаруживаются в строю нашей борьбы с идеологией буржуазного мира. Вместе с тем они участвуют в идейном и моральном воспитании человека той «новой жизни», о которой так напряженно думал, вневомые для него дала которой так пристально пытался вглядываться Щедрин — суровый гений русской литературы.

Он проповедует любовь Враждебным словом Отрицания...
И. А. НЕКРАСОВ
Дух гнева, возмездия, кары!
И. А. БУНИН

ЩЕДРИН — одно из наиболее выдающихся имен русской литературы. Выдающийся и столь своеобразный, что явление это и ныне пока может быть признано вполне осмысленным историческим и художественным. «Это огромный писатель, гораздо более поучительный и ценный, чем о нем говорят», — утверждал Горький.

Что же такое Щедрин в духовной истории нашей страны?

Это прежде всего великий художественный суд писателя — демократа и социалиста — над всем «порядком вещей» современной ему действительности. Это, далее, наша беспощадная национальная самокритика, исходящая от одного из сильнейших деятелей русской мысли, горячо и страстно преданного своей стране и народу, духовно бесстрашного и ко всякой лжи нетерпимого. Это, наконец, громадный мир образов и картин русской жизни, созданный с исключительной пронзительностью и способностью угадывать в текущей современности «тени грядущих событий».

Эпоха подготовки революции в нашей стране создала одну из высших ценностей мировой литературы XIX века — русский критический реализм, а в нем самую истинную его силу — Щедрина. Он поднял искусство сатиры на новую ступень. Его социальная критика идет дальше и глубже сатиры Рабле и Свифта. Их злой смех подрывал основы феодального общества. Щедринская сатира подрывала основы капиталистического общества. Отсюда ее международное значение.

Хотя у Щедрина относительно мало цельных крупных произведений и его книги состоят в большинстве из отдельных, «фрагментарных» вещей — рассказов, очерков, сцен, — эти «фрагменты» сливаются в одно художественное полотно. Оно изображает целое историческое время, подобно «Божественной комедии» Данте и «Человеческой комедии» Бальзака. Но изображает — и в этом главная особенность Щедрина — в моголущ гуще критических темных сторон жизни, критикуемых и отрицаемых во имя всегда присутствующего, явно или скрыто, идеала социальной справедливости и света. У Щедрина, главной мерой вещей которого были разум, а главным оружием борьбы с враждебным миром «меч мысли», созданное им обличительное полотно можно назвать «Глуховской комедией» или же, по определению самого писателя, трагедией жизни, находящейся «под нодом безумия».

Щедрин смотрел на литературу, как на прямое общественное слушание. Он писал всегда о моральных вопросах

современности, и писал глубоко тенденциозно. «...Писатель, — утверждал Щедрин, — которого сердце не переболело всеми болями того общества, в котором он действует, едва ли может претендовать в литературе на значение выше посредственного и очень спорноприходящего». Щедрин приобрел бессмертие в литературе, и именно потому, что он действительно переболел всеми общественными болями своего трагического времени. «Бывали минуты, когда пошехонская страна приводила меня в недоумение, — заявила Щедрин, — но такой минуты, когда бы сердце мое перестало болеть по ней, я решительно не знаю».

Появление первого ощущения социальной тревоги и вместе с тем первого же луча света, воспринятого или выработанного сознательно, Щедрин относил впоследствии к тем дням деревенского детства, прошедшего в крепостной вотчине отца, когда перед его нравственным взором возмущало «человеческий образ там, где по силе установившегося убеждения существовал только поруганный образ раба».

Детство Щедрина, или — правильнее здесь сказать — Салтыкова, послужило первым толчком к будущему отчуждению от родного по крови помещичьего класса и переходу на позиции борьбы с ним и его государственным стражем — самодержавием. Направление этого движения окрепло в годы пребывания в Царскоеволинском лицее. Среди лицейских были еще живы традиции Пушкина. В русле этих традиций возникло «решительное влечение» Салтыкова к литературе и, вольнолюбиво, в особенности сильно воодушевившись на него Гоголь, Герцен и «полное страсти слово» Белинского. После окончания лицея Салтыков облизывается с оппозиционно настроенными кружками студенческой молодежи, в том числе с кружком Петашевского. Здесь он проходил школу идей западноевропейского утопического социализма и мысли о будущем человечестве. Здесь он находил тогда на этапе стремительного роста и высокой гражданской зрелости.

На этом крутом подъеме идейной жизни русского общества начинается писательский путь Салтыкова. И начинается прямым столкновением с самодержавной властью. Весной 1848 года Салтыков был арестован и выслан на службу в Вятку за обнаруженные в его первых двух повестях «вредный образ мысли и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу и испроверших власти и общественные спокойствие».

Семь с половиной лет опальной жизни оказались нелегким испытанием для юного Салтыкова. Но из Вятки он вывез огромный запас впечатлений от глубинной русской жизни. Он вывез и жар негодования и бесправия, бедности и темноте всего социально-низового российского бытия. Свои наблюдения и чувства Салтыков превратил в художественные образы «Губернских очерков».

Русская жизнь последних лет крепостного строя отразилась в первой книге Щедрина с небывалой еще в литературе широтой охвата — от приемной губернской

ремного острога, — и отразилась резко контрастно; обличительно по отношению к миру административно-чиновничьему и помещичьему-господскому, с любовью и надеждой — к миру народному, крестьянскому.

«Губернскими очерками», которые Чернышевский назвал «прекрасным литературным явлением» и отнес к числу «исторических фактов». Щедрин начал свою «хронику» русской общественной жизни. «История современности», «летописец минуты», по собственным определениям, он вел отныне эту беспримерную «хронику» до конца своих дней. Социально-психологический процесс русской истории с 1830 до конца 1880-х годов воссоздал Щедрин во всей его широте и глубине, шаг за шагом этап за этапом. Материалами для этой «хроники» во многом снабдила Салтыкова его многолетняя служба в провинции, в уже названной Вятке, а затем — в Рязани, Твери, Туле и Пензе.

Крепостническая Русь изображена Щедриным во многих произведениях, но цельнее и ярче всего в полудневной «Градоначальничьях». Щедрин подвергает осуждению не действительные «свойства» русского народа, как это не раз утверждала враждебная писателю или непроницаемая критика. Он осуждает и отвергает лишь те «носимые атомы» в психологии и поведении масс, которые мешали им освободиться из-под гнета «неразумных сил истории» и «объявлять» с ее «гневными силами».

Истинный демократ, чье сердце «истекало кровью» при зрелище бед народных, Щедрин вместе с тем не страшился смело писать о темных пятнах, о противоречиях современной ему народной жизни. Щедрин — художник обнаженных социальных противоречий. Главное из них — сила и бессилие народа, могучая потенциальная сила, но практическое бессилие на данной ступени, в данное время, когда исторически предопределенное освобождение масс все еще неосуществимо. Эта тема проходит через все произведения Щедрина, хотя и в разных тональностях. В годы демократического подъема шестидесятничества в ней пре-

зрителем и критиком буржуазной России. «...Идет чудом! — почти с отчаянием восклицал Щедрин. — Идет, и на вопрос: что есть истина? твердо и неуколебно ответит: расплывчато и на вынос!» Наряду с «портретами» новых столбов общества — Дерунова, Колупаева, Разуваева и других «чужаков» Щедрин создает также портретную галерею «деятелей» нарождавшейся на Руси буржуазной интеллигенции: литератор Подхалимов адвокат Балабайкин, ученый Полозатов — идеологическая и «деловая» свита новых «столбов».

Щедрин высоко ценил принципиальное значение интеллигенции как образованной прослойки общества: «Не буди интеллигенции, мы не имели бы ни понятия о чести, ни веры в убеждения, ни даже представления о человеческом образе». Но просветительский пафос в общей оценке интеллигенции сочетался у автора «Писем и тетейных» с трагическим пониманием ее политического бессилия. И той же части интеллигенции, которая под знаменами «либерализма» шла на явные или тайные сделки с царизмом и правым лагерем, Щедрин относился с открытым презрением и подвергал ее особенно едкой и беспощадной критике.

Щедринская «социология» русской жизни богата многими образными явлениями, которых нет у других писателей. Таков, например, групповой портрет «малочисленных», страшных своей безличностью и массовостью «деятелей» ненавистной Щедрину сферы «умеренности и ануратности», сферы «малостольных», служительских слов, поступков, психологии. Щедринская модификация гримасового образа — одно из высших достижений сатирического искусства Достоевского.

Писатель глубоко национальный, Щедрин относительно редко обращался к оценке иноземной жизни. Но его «За рубежом» — одна из великих русских книг о Западе. Предметом сатирической критики в ней являются государственные и политические институты буржуазного мира Западной Европы, а также сферы его духовной культуры. Силу и остроту щедринских характеристик Третьей республики Франции, как республике без республиканцев», Ленин назвал классическими.

Мощь и глубина социального критицизма требовали для литературного выражения новых художественных форм. Они были найдены Щедриным и созданы в рамках русского реализма особое искусство. Главнейшими

«Сказка о ретивом начальнике...»

«Господа Молчаливые»

«История одного города»

Новые иллюстрации художника Л. Непомнящего к произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина.

С. МАКАШИН

СУРОВЫЙ ГЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«История одного города»

«Сказка о ретивом начальнике...»

«Господа Молчаливые»

«История одного города»

«История одного города»

«Сказка о ретивом начальнике...»

«Господа Молчаливые»

«История одного города»

«История одного города»

«Сказка о ретивом начальнике...»

«Господа Молчаливые»

«История одного города»

«История одного города»

«Сказка о ретивом начальнике...»

«Господа Молчаливые»

«История одного города»

«История одного города»

«Сказка о ретивом начальнике...»

«Господа Молчаливые»

«История одного города»

